

УДК 947 (083)

С.В. Беспалов

**ПРОБЛЕМЫ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.
В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

В западной историографии продолжается полемика между «оптимистами», полагающими, что Российская империя на рубеже XIX–XX вв. успешно продвигалась по пути модернизации, и «пессимистами», убежденными в том, что крах имперской модернизации был неизбежен. Все активнее заявляет о себе «ревизионистское» направление, представители которого, не отрицая трудностей российской модернизации, признают ее ограниченные успехи.

Ключевые слова: Россия, западная историография, экономическая модернизация, индустриализация.

На рубеже XIX–XX столетий процесс модернизации охватил все основные сферы жизни российского общества – экономическую, политическую, социальную, правовую. При этом, на наш взгляд, первопричиной происходивших в стране перемен являлись изменения в экономике. Исключительно важная роль в этом процессе, безусловно, принадлежала государственной власти, которая своим активным вмешательством в экономические процессы в значительной степени определяла направление и темпы развития промышленности и сельского хозяйства.

Проблемы экономического развития России и экономической политики ее властей в конце XIX – начале XX в. всегда привлекали пристальное внимание как отечественных, так и зарубежных историков, не в последнюю очередь потому, что та или иная оценка процесса социально-экономической модернизации страны во многом предопределяла ответ на один из ключевых вопросов российской истории: была ли неизбежной революция 1917 г.? На протяжении последних десятилетий в западной историографии идет непрекращающийся спор между «оптимистами», полагающими, что Российская империя на рубеже XIX–XX вв. в целом довольно успешно продвигалась по пути модернизации своей экономики, перенимая лучшие достижения стран Запада, и это поступательное развитие было прервано лишь Первой мировой войной, ставшей основной причиной Революции 1917 г., и «пессимистами», убежденными в том, что особенности экономического развития страны и специфика политической системы России начала XX в. делали крах имперской модернизации и революционный взрыв практически неизбежными. Споры эти продолжаются и в текущем десятилетии. При этом можно отметить, что количество исследователей, придерживающихся «пессимистической» точки зрения, по сравнению с периодом конца

1980-х – начала 1990-х гг., возросло; полагаем, что не в последнюю очередь это связано с очевидным «разочарованием в России» общественного мнения стран Запада. В то же время как в англо-американском, так и в германском руссиеведении, по словам А.Г. Дорожкина, заявила о себе «ревизионистская традиция», представители которой, не отрицая трудностей и проблем российской модернизации, признают успехи индустриализации, подчеркивают значение промышленной политики правительства для индустриального развития, отказываются от тезиса о крестьянстве и, в целом, сельском хозяйстве России как жертве индустриализации [1. С. 173], отмечают позитивные изменения в аграрном секторе российской экономики последней трети XIX – начала XX в. [1. С. 224] Все чаще, наряду с историками, работы по проблемам экономической истории России рассматриваемого периода публикуют исследователи-экономисты. Наконец, можно отметить появление значительного количества работ обобщающего характера по проблемам российской модернизации, истории российского реформаторства и т.п., в которых вопросам экономического развития России конца XIX – начала XX в. уделено существенное внимание.

Существенно разнятся оценки западными исследователями уровня социально-экономического развития России на рубеже веков. Ряд историков, например Дж. Пэллот [2] и С. Уильямс [3], стремятся доказать, что отставание России от ведущих держав было не столь значительным, а уровень жизни большинства населения не таким низким, как это представлялось в большинстве исследований. Однако преобладающим остается мнение о России как весьма отсталой стране. Так, итальянский историк М. Феретти подчеркивает, что, хотя Россия начала XX века являлась развивающейся страной, «благодаря политике модернизации... и,

в частности, индустриализации, запущенной в конце XIX века благодаря деятельности Витте», однако она оставалась отсталой страной не только с точки зрения политики, но также в экономическом и социальном плане. Значительная часть крестьян, составлявших 85% населения страны, находилась «в состоянии квазифеодальной зависимости», порожденной малоземельем. К тому же «именно деревня должна была заплатить цену индустриализации, в иницировании которой преобладающую роль играет государство»: ради финансирования модернизации правительство осуществляло «строжайшую фискальную политику, основанную на косвенных налогах... которая позволяет перевести средства, израсходованные населением, в индустриальные инвестиции» [4. С. 7]. При этом, утверждает Феретти, в России была очень сильна идея особого – отличного от западного – пути развития, «именно потому, что Россия не была Западом и сталкивалась с проблемами, отличными от тех, с которыми сталкивался Запад» [4. С. 8]. Можно сказать, что М. Феретти солидаризируется с позицией Т. Шанина, в соответствии с которой для того, чтобы понять специфику российской модернизации, необходимо рассматривать Россию начала XX в. как «развивающееся» общество – в том смысле этого слова, который используется обычно применительно к странам «третьего мира» [5].

Одним из основных в историографии является вопрос о характере, последствиях, цене для большинства населения ускоренной индустриализации и роли государственной власти в ее осуществлении. Известный американский историк Р. Уортман, характеризуя особенности российской индустриализации, начало которой было связано с деятельностью С.Ю. Витте, отмечает, что ради ускорения промышленного развития этот министр финансов «резко повысил акцизные сборы, начал брать больше ссуд из-за границы и привлекать иностранные инвестиции в русскую промышленность»; при этом «индустриализация экономики опиралась на огромные взывания с сельского населения» [6. С. 367]. По мнению Уортмана, экономическая концепция Витте основывалась на восходящем к М.Н. Каткову представлении «о том, что самодержавное государство может сдерживать социальное недовольство, и на вере в то, что крестьяне останутся покорными и верными подданными монарха». При этом, однако, данная политика вела к росту социальной напряженности не только потому, что от ее последствий страдало крестьянство; она также «отталкивала провинциальных дворян, ставших свидетелями того, как

правительство субсидирует и поощряет промышленность, уделяя, как им казалось, слишком мало внимания их нуждам». Кроме того, политика индустриализации «привела к росту промышленного пролетариата и высокой численности рабочих в столицах». Таким образом, грандиозные замыслы архитекторов экономической политики «не учитывали опасений традиционалистов-консерваторов и питали новые социальные и политические силы, которые правительству было все труднее сдерживать» [6. С. 368].

С. Харкэйв, характеризуя развитие российской экономики и роль С.Ю. Витте в ее модернизации на рубеже XIX–XX столетий, называет достижения Витте грандиозными. Американский историк утверждает, что промышленность и торговля России уже находились на подъеме к началу 1890-х гг., однако темпы их роста были недостаточными; Витте смог существенно ускорить их развитие, в отличие от трех предыдущих министров финансов – Рейтерна, Бунге и Вышнеградского, которые, по мнению Харкэйва, также осознавали экономическую отсталость и стремились преодолеть ее, понимая, что страна нуждается в современной банковской системе, устойчивой валюте и крупномасштабных иностранных инвестициях в промышленность, однако немногого достигли [7. С. 199]. Столь невысокая оценка американским историком деятельности предшественников Витте представляется несправедливой. Гораздо ближе к истине, на наш взгляд, был в свое время А. Гершенкрон, писавший о «великом успехе» политики индустриализации Вышнеградского и Витте [8]; заслуги Н.Х. Бунге, который, конечно, не может быть назван столь же убежденным сторонником ускоренной индустриализации, в осуществлении целого ряда преобразований также несомненны.

Транссибирская железная дорога, «одно из главных творений девятнадцатого и начала двадцатого века», в сооружении которой роль Витте была решающей, стала, по мнению Харкэйва, его главной заслугой [7. С. 201]. О первостепенной роли железнодорожного строительства в процессе российской экономической модернизации говорит и другой американский историк – Ф. Вчисло; по его мнению, вполне закономерным было и то, что личность и взгляды крупнейшего российского реформатора С.Ю. Витте в основе своей сформировались именно в период его работы в рамках железнодорожного хозяйства: именно благодаря своему опыту железнодорожника Витте «нашел тот социальный и культурный контекст, в рамках которого он мог мечтать о могущественной Российской империи, играющей заметную роль в евро-

пейском порядке». Именно создававшаяся железнодорожная сеть втягивала обширные российские территории в процесс все более интенсивного товарообмена и, в конечном итоге, обеспечивала грядущий рост благосостояния во всех регионах России; на достижение этой же цели была направлена таможенная политика, призванная защитить высокими тарифами молодую российскую индустрию [9. С. 81–82].

Т. Оуэн обращает внимание на то, что Россия в течение долгого времени испытывала недостаток не только в капиталах, но и в «собственной теории индустриального развития». К тому же в середине XIX в. большинство образованных людей (как интеллигенция, так и высшие сановники) в России являлись приверженцами доктрины свободной торговли, популярной в тот период и в Западной Европе. Представителей поместного дворянства и оптовых торговцев вполне устраивала ситуация, при которой Россия экспортировала зерно и импортировала высококачественные европейские товары. Идеи Фридриха Листа, немецкого экономиста, впервые противопоставившего теории свободной торговли свою концепцию экономического национализма, практически не имели сторонников в России периода «Великих реформ»: показательно, что основная работа Листа «Национальная система политической экономии» была издана в России лишь в 1891 году, спустя полвека после ее первого немецкого издания. Т. Оуэн отмечает, что решающую роль в распространении в России учения Ф. Листа сыграл С.Ю. Витте [10. С. 70–71].

В другой своей работе Т. Оуэн подчеркивает роль Д.И. Менделеева в формировании политики экономической модернизации. По мнению автора, «помимо защиты довольно простой системы высоких импортных тарифов, призванных обеспечить защиту российской промышленности, Менделеев привнес в дебаты об экономической политике многочисленные творческие идеи». Оуэн подчеркивает двойственное отношение Менделеева к бюрократической опеке отечественной индустрии. С одной стороны, ученый не отрицал возможности нерыночных форм поддержки молодой промышленности со стороны государства. Однако уже начиная с середины 1880-х гг. он утверждал, что российская индустрия достигла определенной зрелости, и потому для дальнейшего развития ее требуются не столько традиционные для России формы государственной поддержки (беспроцентные ссуды и т.п.), сколько содействие в привлечении частных инвестиций. Это, по мнению Оуэна, служит лишним подтверждением того, что Менделеев в своей деятельности по отстаиванию

интересов российской промышленности руководствовался, вопреки утверждениям его противников, прежде всего не стремлением обслуживать интересы своих партнеров в промышленных кругах, которые у него действительно имелись, в особенности среди нефтепромышленников, а «патриотической преданностью делу промышленного развития России» [11. С. 111–112].

О том, что именно частнопредпринимательская инициатива, а не поддержка государства, являлась основной причиной промышленного роста в России в предвоенные годы, пишет В. Моссе; именно это, по его словам, прежде всего отличало данный этап экономического развития России от периода 1890-х гг., когда важнейшим фактором роста была правительственная политика. Однако эти изменения, полагает Моссе, как раз и свидетельствовали о том, что «система Витте» принесла результаты, и все более широкие слои населения (так же, как и его преемники во властных структурах) пожинали плоды его деятельности [12. С. 249]. Об этом же пишет и С. Величенко, подчеркивающий, что, вопреки распространенным представлениям о крайней забюрократизированности аппарата управления Российской империи в начале XX в., численность имперской бюрократии была совершенно недостаточной для страны, стремившейся занять свое место в ряду наиболее высокоразвитых держав, сближая Россию по этому показателю скорее с колониями европейских государств, чем с метрополиями; и именно «недоуправляемость» была причиной многих кризисных явлений, возникших в процессе реформ, и недостаточно высоких темпов модернизации страны [13. С. 104–105].

Итак, мы можем констатировать, что проблемы «цены» модернизации для большинства населения России, значения и последствий государственной политики, имевшей своей целью форсирование этой модернизации, сбалансированности в развитии промышленности и сельского хозяйства, изменений в социальной структуре общества и (в связи с этим) наличия (либо отсутствия) существенной социальной базы реформ по-прежнему остаются в центре внимания западных ученых. При этом, несмотря на отмеченное преобладание «пессимистических» оценок, весьма содержательная полемика по указанным проблемам продолжается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дорозжин А.Г. Промышленное и аграрное развитие дореволюционной России: взгляд германоязычных историков XX в. М., 2004.

2. *Pallot J.* Peasant responses to Stolypin's project of rural transformation. N.Y., 1999.
3. *Уильямс С.* Либеральные реформы при нелиберальном режиме. М., 2009.
4. *Феретти М.* Безмолвие памяти // Неприкосновенный запас. М., 2005. № 6.
5. *Shanin T.* Russia as a «Developing Society». Basingstoke; L., 1985.
6. *Уортман Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. М., 2004.
7. *Narcave S.* Count Sergei Witte and the twilight of imperial Russia: a biography. N.Y.; L., 2004.
8. *Гершенкрон А.* Экономическая отсталость в исторической перспективе // Истоки: экономика в контексте истории и культуры. М., 2004.
9. *Wcislo F.* Rereading Old Texts: Sergei Witte and the industrialization of Russia // Russia in the European Context. 1789–1914. N.Y., 2005.
10. *Owen T.C.* Dilemmas of Russian Capitalism: Fedor Chizhov and Corporate Enterprise in the Railroad Age. L., 2005.
11. *Owen T.C.* The Corporation under Russian Law, 1800 – 1917: A Study in Tsarist Economic Policy. Cambridge, 2002.
12. *Mosse W.E.* An Economic History of Russia: 1856–1914. N.Y., 1996.
13. *Величенко С.* Численность бюрократии и армии в Российской империи в сравнительной перспективе // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005.